

Николай ДОРИЗО

Когда Маяковский говорил о времени, он обязательно говорил и о себе. А было в те годы, да и в последующие немало поэтов, которые пытались говорить только о времени, исключая при этом себя, свою судьбу, свои радости, тревоги, боли.

В свое время появилось деление поэзии на гражданскую и лирическую, весьма условное деление, как будто у человека два сердца—одним, гражданским, он любит Родину, а другим—любит свою невесту, жену, детей. У человека одно сердце. Им, и только им, он любит Родину и близких, дорогих ему людей. Вспомним нашу поэзию в тяжкие годы войны. Лирику тех лет никак нельзя разделить на гражданскую и интимную. Одно из интимнейших стихотворений «Жди меня» Симонова, сокровеннейшее любовное заклинание, оказалось вместе с тем политическим, гражданским призывом буквально плакатного звучания, который повторяла вся страна. А «Землянка» Суркова? Не образец ли это и интимной, и гражданской лирики?

В послевоенные годы наша критика начала было об этом забывать, и так называемая интимная лирика, мужественно, по-солдатски служившая Родине в годы войны, стала вроде бы зазорной. Как будто поэзия в дни тяжчайших народных испытаний живет по одним законам, а в мирное время по каким-то другим.

Степень таланта поэта всегда связана с самокритичностью. Я не раз задумывался над тем, чем же отличается гениальный поэт от бездарного? В жизни гениального поэта бывает такая минута, когда он чувствует себя бездарным. В жизни бездарного поэта такой минуты никогда не бывает. Недавно я прочитал интервью, в котором наш известный талантливый поэт, вспоминая то время, когда жили такие мастера, как Твардовский, Смеляков, Пастернак, Ахматова, Заболоцкий, Светлов и многие другие, сетует: «Было кого бояться. Сейчас бояться почти некого, и поэты пораспоясались—и формально, и нравственно. Уж не погрозит своей сухой тростью за плохонькую рифму Антокольский, не опустит глаза при встрече за халтурные барабанные стихи Луконин». Я читал эти строки и думал: а как же сам поэт, его требовательность к себе, его поэтическая совесть? Что он, ученик-первоклассник, который может шкодить, бегать по партам, если учитель вышел из класса?

Да и вышли ли из класса наши учителя? Нет. Их творчество, их пример с нами. И чем более мы будем ощущать в своей работе их присутствие, следовать их примеру, их образцу, тем большего добьется каждый из нас в своей работе. Природа истинного поэтического дарования всегда драматична, ей присуща трагедийность в самом высоком смысле этого слова. Все несовершенства мира, все его боли и беды проходят через сердце поэта.

Сов. Россия, 1980,
12 дек. Воспоминание
на Всесоюзном пленуме
РСФСР (в сокр.).

Мы часто спорим о том, какой же должна быть поэзия в эпоху научно-технической революции. Иным нашим критикам хочется сконструировать, вывести из колбы искусственным путем какую-то ультрасовременную поэзию, связанную с кибернетикой, с новизной технических решений и научных открытий. Конечно, совершенно естественно, что и научные открытия, и научные термины могут входить и входят в сегодняшнюю поэзию. Но иной критик характеризует стихи как ультрасовременные не по их философскому смыслу, а по формальному признаку, по тому факту, что в них упоминаются кибернетика, вычислительные машины. А в XIX веке? Новейшие, невиданные до тех пор машины, электричество, телефон. Тысячелетиями люди передвигались на лошадях—появилась железная дорога. Но представьте себе критика, который выделил бы поэзию Некрасова как наисовременнейшую по той примете, что в его стихах говорится о железной дороге. Железная дорога не сама по себе привлекла внимание великого поэта. Русский народ, строивший эту железную дорогу,— вот подлинный герой некрасовского стихотворения. Трудно представить себе Белинского, который бы умиленно выискивал детали научно-технической революции в поэзии Лермонтова. Не в этом видел Белинский великое предназначение современной ему поэзии.

Со всей силой и профессиональной и гражданской активности, понимая всю ответственность нашу перед партией и народом, мы должны бороться сегодня за качество стиха.

«Русский язык сам по себе поэт»,— говорил когда-то Гоголь. Что же мы порой творим с великим русским языком! Как мы воспитываем нашего читателя, на каких примерах, на каких образцах! Не слишком ли бывает добра порой наша критика? По тем сведениям, которые были опубликованы в «Литературном обозрении», можно представить, что у нас такие сказочные успехи в сегодняшней поэзии, что и критиковать-то некого. «Литературное обозрение» сообщает, что в семи ведущих «толстых» журналах из 525 напечатанных рецензий за полтора года всего лишь три критические рецензии. Всего лишь три из 525! Так сказать, информация для размышления...